

О СПЕЦИФИКЕ ЯЗЫКОВОЙ АДАПТАЦИИ БИБЛЕЙСКИХ
СЮЖЕТОВ В ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ
(*БЛУДНЫЙ СЫН* И ЕГО МОДИФИКАЦИИ)

АЛИНА М. МЕЛЕРОВИЧ

Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
Кафедра русского языка
ул. 1 Мая, д.14, 156961 г. Кострома, Россия
e-mail: melerovich@mail.ru

ВАЛЕРИЙ М. МОКИЕНКО

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет, Кафедра славянской филологии,
Межкафедральный словарный кабинет имени проф. Б.А. Ларина
Университетская наб., д. 11, 199034 Санкт-Петербург, Россия
e-mail: mokienko40@mail.ru
(получено 19.11.2014; принято 20.11.2014)

Abstract

**About specific language adaptation of Biblical subjects
in European languages
(*prodigal son* and its modifications)**

The article deals with the problem of specificity of language adaptation of the Biblical words and expressions. Despite of the generality of the sacred text, on the basis of which in many European languages are born Biblicisms each language treats them according to the peculiarities of its own linguistic system. Hence the semantic and stylistic differences of Biblicisms, which have a common source. This process is demonstrated by authors with the example of the biblical expression the *блудный сын* (*prodigal son*).

Key words

Biblicisms, winged words, idioms, language adaptation, equivalent.

Резюме

В статье рассматривается проблема специфики языковой адаптации библейских слов и выражений. Несмотря на общность сакрального текста, на основе которого в европейских языках рождены многие библеизмы, каждый конкретный язык по-своему воспринимает их сообразно особенностям своей собственной языковой системой. Отсюда — семантические и стилистические различия библеизмов, имеющих общий источник. Этот процесс демонстрируется авторами на примере библейского выражения *блудный сын*.

Ключевые слова

Библеизмы, крылатые слова, фразеологизмы, языковая адаптация, эквивалент.

Библия, как известно, стала одним из мощных культурных факторов, способствующих интернационализации европейских языков. Библейские крылатые слова и выражения обогатили лексико-фразеологические фонды этих языков и создали их общий образный ресурс, постоянно обновляющийся на каждой национальной почве. Лингвистическое изучение славянских библеизмов убедительно демонстрирует интегрирующие свойства этих выражений, но вместе с тем вскрывает и достаточно большие пласты национальной специфики в каждом из конкретных языков¹. Особенно рельефно сходства и различия такого рода отражаются в сопоставительных словарях библеизмов².

¹ Г.А. Лилич, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. *Библеизмы в русском, чешском и словацком литературных языках*. «Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История, языкознание, литературоведение» 1993. Вып. 3, с. 51–59; Г.А. Лилич, В.М. Мокиенко, О.И. Трофимкина. *Толковый словарь библейских выражений и слов. Около 2000 единиц*. Москва: АСТ — Астрель, 2010; W. Chlebda. *Biblizmy języka polskiego i rosyjskiego. Koncepcje opisu leksykograficznego*. [B:] *Współczesny język polski i rosyjski. Konfrontacja przekładowa*. Red. A. Bogusławski, J. Mędelska. Warszawa: Uniwersytet Warszawski. Katedra Lingwistyki Formalnej, 1997, с. 23–66; S. Koziara. *Frazeologia biblijna w języku polskim*. Prace Monograficzne. Akademia Pedagogiczna im. Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie. Nr 320. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej, 2001; H. Walter, E. Komorowska, A. Krzanowska et al. *Deutsch-polnisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen mit historisch-etymologischen Kommentaren*. Szczecin — Greifswald, 2010; H. Walter, P. Fojtů. *Schwarzes Chaf, falscher Proplet, barmherziger Samariter. Deutsch-tschechisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen mit historisch-etymologischen Kommentaren*. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Philosophische Fakultät, 2012.

² H. Walter, E. Komorowska, A. Krzanowska et al. *Deutsch-polnisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen...*; H. Walter, P. Fojtů. *Schwarzes Chaf, falscher Proplet, barmherziger Samariter...*

Феномен адаптации каждым из языков того или иного библейского сюжета требует специального изучения уже потому, что именно такая адаптация порождает эффект «ложных друзей переводчика», вынуждая составителей словарей и переводчиков сглаживать весьма существенные стилистические нюансы, а нередко и довольно значимые семантические различия в передаче структурно тождественных выражений.

Типичен в этом отношении «классический» библеизм *блудный сын*. История его прозрачна и хорошо известна. Выражение возникло на основе евангельской притчи о блудном сыне. В *Евангелии от Луки* рассказывается о том, что однажды некий человек разделил своё имущество между двумя своими сыновьями; младший, забрав свою долю, ушёл из дома и, скитаясь в чужих краях, расточил доставшуюся ему часть отцовского имения (*Лука*, 15, 11–32). После нужды и лишений он решил вернуться к отцу в раскаянии:

встану, пойду к отцу моему и скажу ему: Отче! Я согрешил против неба и пред тобою и уже недостоин называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих. Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: Отче! Я согрешил против неба и пред тобою и уже недостоин называться сыном твоим.

(*Лука* 15, 18–21).

Отец, видя его искреннее раскаяние, велел одеть его в лучшие одежды и устроил для него пир, и сказал:

Станем есть и веселиться! Ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропал и нашелся. И начали веселиться.

(*Лука* 15, 24).

Мотив, характеризующий неопытность, необдуманность поступков или даже глупость молодёжи, известен в европейской культуре издревле и стал основой многих литературных сюжетов. Так, уже в 1270 году Вернер дер Гэртнер [Wernher der Gärtner] описывает похожую историю, повествуемую ещё в античных сагах. На библейский же сюжет создан ряд художественных произведений самых известных художников, например, картина Рембрандта *Возвращение блудного сына*³.

В русском языке слово *блудный* отразило две ассоциации: первая связана со словом *блуждать* ‘скитаться, сбившись с пути’ и поэтому *блудный сын* — ‘блуждающий, скитающийся по белу свету, ищущий свой путь (в том числе и духовный)’, вторая же восходит к глаголу *блудить* — ‘распутничать, развратничать’, следовательно, *блудный* — это и ‘ведущий распутный образ жизни, потерявший нравственные ориентиры’. Именно эти значения в русском языке являются внутренней формой (мотивирующим образом) оборота *блудный сын*. Мотив «блуждания» (но не обязательно «блуда») отражен многими славянскими языками: укр. *блудний син*; бел. *блудны сын*; болг. *блудният син*; макед. *блудниот син*; хорв. *bludni (zalutali) sin* и др.

³ Картина хранится в петербургском Эрмитаже.

В других же европейских языках этот сюжет манифестируется иными прилагательными и ассоциациями. В одних закрепился образ — «потерянного» сына, что прямо отражено фразеологизмами: нем. *verlorener Sohn*; латыш. *razudušais dēls*; словен. *izgubljeni sin*; хорв. *izgubljeni sin* и др.

В третьих же акцент был сделан на «транжирстве» блудного сына: англ. *prodigal son*; фр. *enfant prodigue*; итал. *figliol prodigo*; исп. *hijo pródigo*; португ. *filho pródigo*; румын. *fiul risipitor*; лит. *sūnus palaidūnus*; пол. *syn marnotrawny*; чеш. *marnotratný syn*; словацк. *márnotratný syn*; хорв. *razmetni sin*; серб. *продигал сон* и др.

Как видим, эти возможные образные интерпретации библейского выражения демонстрируют различные ориентации в переводе соответствующего фрагмента Библии и вместе с тем отражают чисто языковые способы его адаптации в конкретном ассоциативно-образном пространстве. Любопытно, что даже столь близкие генетически языки, как литовский и латышский, здесь передают разные переводческие ориентации — возможно, зависимые от источника калькирования. А в словацком языке отражены 2 эквивалента, объединяющие два различных направления перевода, что особенно явно просвечивается на фоне русского *блудный сын* и немецкого *der verlorene Sohn* в нашем трёхязычном словаре⁴.

Отмеченные различия, уходящие корнями во внутреннюю форму выражения, естественно, отражаются на его семантике в каждом конкретном языке. Так, немецкий фразеологизм толкуется в нашем двуязычном словаре⁵ таким образом:

der verlorene Sohn (книжн. ирон.): 1. о беспутных, нравственно нестойких детях (обычно сыновьях), раскаявшихся и вернувшихся в свою семью; о людях, порвавших с семьей (каким-л. коллективом, группой, сообществом) в поисках иных занятий, новой среды и т. п. 2. (шутл.) о человеке, которого давно не видели, от кого давно не было сообщений или вестей. 3. о ком-л., долго отсутствующем и наконец вернувшемся (букв.: потерянный сын).

Как видим, сема «потерянности» доминирует в этом трехзначном толковании.

В русском же языке она хотя и присутствует, но тем не менее не является доминирующей. Любопытно, что даже в народном узусе оборот *блудный сын* тяготеет к семантике «блуда», греховности, что нашло отражение в наших толкованиях *Большого словаря русских поговорок*⁶:

⁴ Д. Балакова, Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. *Лента библейской мудрости. Краткий русско-словацко-немецкий словарь крылатых слов*. Ружомберок — Грайфсвальд — Санкт-Петербург. Greifswald: Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2012, с. 111–112.

⁵ H. Walter, V.M. Mokienko. *Deutsch-russisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen. Mit historisch-etymologischen Kommentaren*. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Philosophische Fakultät, 2009, с. 143.

⁶ В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. *Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений*. Под общей ред. проф. В.М. Мокиенко. Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008, с. 654.

Блудный сын. *Разг.* 1. *Пск.* О том, кто покинул свой дом, а затем вернулся после неудачных скитаний. ПОС 2, 46. 2. О том, кто раскаялся в чем-л. после постигших его неудач. 3. *Арх. Неодобр.* О человеке, нарушающем общепринятые нормы поведения⁷.

Не случайно «соседями» этого выражения в нашем словаре оказываются бранные обороты *олон.*⁸ **блудов сын**⁹ и *вульг.-прост.* **блядин (блядский) сын** ‘то же, что **сукин сын**¹⁰, что не только усиливает «греховную» акцентировку его семантики, но и значительно увеличивает её экспрессивность. Процесс отмеченного семантического развития русского библеизма убедительно отражается в его контекстуальном функционировании, зафиксированном нашим *Толковым словарем библейских выражений и слов*¹¹. В произведениях классиков можно найти и прямые апелляции к евангельской притче и её художественным воплощениям:

[Картинки] изображали историю *блудного сына*.

А. Пушкин. *Станционный смотритель*.

Я не хотел входить в город, потому что не хотел явиться перед родителями, как *блудный сын в Евангелии*, нищим и несчастным.

В. Брюсов. *Огненный ангел*.

Вот я от матери и от отца ушёл. И не жалею. И никаких раскаяний *блудного сына* не испытываю. Приведётся свиным кормом питаться, и тогда не возвращусь.

И. Рукавишников. *Проклятый род*.

Они воспроизводятся и с помощью сравнений, прямо указывающих на библейский сюжет:

— Как *блудный сын*, когда он вернулся в отчий дом, мы с тобою тоже вольны вернуться. С повинной головой. Повинную голову не рубят.

К. Федин, *Необыкновенное лето*.

Прощай, приют родной <...>

Меня отсюда мчит иное назначенье

И ждут иные небеса.

А если, жизнью смят, обманутый мечтами,

К тебе, как *блудный сын*, я снова возвращусь, –

Кого ещё найду меж старыми друзьями

И так ли с новыми сойдусь?

А. Апухтин. *Прощание с деревней*.

⁷ *Архангельский областной словарь*. Под ред. О.Г. Гецовой. Вып. 15. Москва: Издательство Московского государственного университета. Филологический факультет — Наука, 2013, с. 116.

⁸ Сокр. *олон.* = олонецкий.

⁹ *Словарь русских народных говоров*. Под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова. Вып. 35. Санкт-Петербург: Российская академия наук. Институт лингвистических исследований — Издательство «Наука», 2001, с. 131.

¹⁰ В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. *Словарь русской брани (матизмы, обсценизмы, эвфемизмы)*. Санкт-Петербург: Норинт, 2003, с. 318.

¹¹ Г.А. Лилич, В.М. Мокиенко, О.И. Трофимкина. *Толковый словарь библейских выражений и слов...* с. 465.

Несколько опосредованная связь с евангельским сюжетом отражается и в контекстах, где выражение используется уже переносно — в значении ‘о том, кто покинул свой круг, привычные занятия в поисках лучшей жизни, но после неудач и разочарований снова вернулся обратно’:

Нужно было искать новую «зацепку за жизнь», но не «роковую», «страстную», а вечную, незыблемую, независимую от плотских страстей, и *блудный сын*, нарушая и вместе с тем как бы обновляя библейскую традицию, возвращается не к отцу, а к матери, создавая её иконописный и одновременно по-русски живой национальный образ.

С. Куняев. *Божья дудка (жизнеописание С. Есенина)*.

Не настанет же такой момент, когда исчезнут в одночасье «прожорливое телевидение», злоевищий кинематограф и прочее, а актёр, этот *блудный сын* Мельпомены, вернётся в родной дом, в театр!

«Известия» 19 сентября 1983.

...Мы не просто ждали *сына* [после армии] после долгой разлуки. Нетерпением наше состояние никак не назовешь. Все последние годы судьба сына висела над нами, как пресловутый дамоклов меч. Мы ждали затянувшейся развязки. Мы ждали приговора. Куда мог исчезнуть наш *блудный сын*, в какую свернул сторону?

В. Тендряков. *Покушение на миражи*.

Родина-мать! я душою смирился,
Любящим сыном к тебе воротился. <...>
Дай мне отраду объятий родных,
Дай мне забвенье страданий моих!
Жизнью помят я... и скоро я гину...
Мать не враждебна и к *блудному сыну*...

Н. Некрасов. *Саша*.

Именно в таком ключе употребляет выражение Б. Пастернак, инкрустируя его в структуру сравнения со значением ‘скиталец, не находящий пристанища, своего места в жизни’:

А немного спустя
И светя, *точно блудному сыну*.
Чтобы шею себе
Этот день не сломал на шоссе,
Выйдут с лампами в ночь
И с небес
Будут бить ему в спину
Фонари корпусов
Сквозь туман,
Полоса к полосе.

Б. Пастернак. *Девятьсот пятый год*.

«Греховная» семантика нарастает в поэтических контекстах, на что мы с А.М. Мелерович обратили особое внимание при составлении пока не изданного словаря *Фразеологизмы в русской поэзии*. Характерно, что это «наращение», а точнее — «приращение» происходит к традиционной переносной семантике библеизма, где основной акцент делается на возвращении в отчий дом. Типично

в этом отношении стихотворение И. Бродского, где семантика 'кто-л., долго отсутствовавший и наконец вернувшийся (раскаявшись в своих грехах и заблуждениях)' окрашивается олицетворением в контексте сравнения:

Кто-то
среди развалин бродит, вороша
листву запрошлогоднюю. То — ветер,
как *блудный сын*, *вернулся в отчий дом*
и сразу получил все письма.
И. Бродский. *Открытка из города К.*

В некоторых поэтических текстах движение к «греховной» семантике может стать столь диалектичным, что она превращается в свою противоположность, т.е. характеризует лирических героев положительно. Так, в стихотворении Т. Бек библейский оборот трансформируется в сочетание *блудные дети голодных и гордых небес* со значением 'люди, стремящиеся к высокой цели, живущие в поисках своего предназначенья':

Давайте не прятаться в норы,
Давайте не строить заборы,
А верить, что мы — *сыновья*
И дочери — блудные дети

Голодных и гордых небес,
И стало быть, жизнь — не собес,
А воля — моя и твоя.

Мы — *дочери*, мы — *сыновья*,
И есть ещё звёзды на свете!
Т. Бек. «*Состарился почерк почтовый...*».

У этой же поэтессы фразеологизм гендерный «пандан» выражения *блудный сын* — *блудная дочь* употребляется в однозначно греховном значении 'беспутный, нравственно не стойкий человек':

Эти ели в лесу многолапы
И зловещи на фоне берёз...
«Я могла бы...» Но я не могла бы
Обойти ни одну из угроз!

Ни одну из помоек и рытвин,
И приманок, кидающих в жар.
Да и стих-то мой был не молитвен.
А рыдал, и кичился, и ржал.

Вот и думаю на перевале,
Как неюная блудная дочь:
— А почто вы меня не изъяли,
Не отвергли, не выгнали прочь?
Т. Бек. *Эти ели в лесу многолапы...*

Подтверждение отмеченной тенденции развития «греховной» семантики у нашего библеизма можно найти у многих современных поэтов. В некоторых из них она специально эксплицируется различными способами:

Чтоб чувства, промелькнувшие сквозь ночь,
укрыли *блудных сыновей и дочь*
прекрасную и, адрес изменив,
чтоб чувства не усиливали миф,
не следовало в ночь под Рождество
выскакивать из дома своего.....

И. Бродский. *Зофья*.

Нет, с тобой, дружочек чудный,
Не делиться мне досугом.
Я сдружилась с новым другом,
С новым другом, с сыном блудным.
У тебя дворцы-палаты,
У него леса-пустыни,
У тебя войска-солдаты,
У него пески морские.
Нынче в море с ним гуляем,
Завтра по лесу с волками.
Что ни ночь — постель иная:
Нынче щебень, завтра — камень.
И уж любит он, сударик,
Чтобы светло, как на Пасху:
Нынче месяц нам фонарик,
Завтра звезды нам лампадка.
Был он всадником завидным,
Милым гостем, царским сыном,
— Да глаза мои увидел
— И войска свои покинул.
М. Цветаева. *Нет, с тобой, дружочек чудный...*

На рынке, ребята, главенствует Спрос,
Как только появится он,
Ему предлагают любое добро,
И это на рынке — закон.

И Родину-Мать *блудный сын* продаёт,
А девушка — девичью честь,
А, если заплатишь сполна и вперёд,
И честь офицерская есть.

Без лишних вопросов вам скидку дадут.
Повсюду бардак, кутерьма.
Там душу за четверть цены продадут
И совесть дешевле дерьма.

Суть рынка пытался я вам передать,
 Но как объяснить вам, друзья,
 Что всё это можно, конечно, продать,
 Но выкупить после нельзя.

М. Катран. *Урок маркетинга. «Опрокинутые города»*. Кострома 2002.

Прорицатели, гадалки
 Напророчили бедлам.
 Ну, так мы — уже на свалке —
 В колесо фортуны палки
 Ставим с горем пополам.

Так идите к нам, Мак-Кинли,
 В наш разгневанный содом.
 Вы и сам — *не блудный сын ли?*
 Будет больше нас, Мак-Кинли...
 Нет? Мы сами к вам придем.
 В. Высоцкий. *Мистерия хитпи*.

Развитие семантики «греховности» ещё более усиливается в случаях индивидуально-авторских трансформаций нашего библеизма, отталкивающихся от производных корня *блуд-* — например, в варианте *зablудший сын*:

Каких дворцов
 Он господин,
 Каких отцов
 Zablудший сын?

В. Высоцкий. *Песня Билла Сиггера*.

Как бы далеко ни уводило в сторону «греховности» под давлением переносной христианской семантики слов *блуд*, *блудный* библеизм *блудный сын*, его исходный сюжет тем не менее и в русском языке не даёт ему полностью оторваться от назидательного смысла евангельской притчи. Характерно в этом отношении стихотворение А. Тарковского, где наш оборот хотя и маркирован «греховностью», эксплицированной словом *порок*, но «срывание с плеч сорочки» уже предвещает возвращение в отчий дом, т.е. освобождение от грехов, их искупление:

Я кончил книгу и поставил точку
 И рукопись перечитать не мог.
 Судьба моя сторела между строк,
 Пока душа меняла оболочку.
 Так *блудный сын* срывает с плеч сорочку,
 Так соль морей и пыль земных дорог
 Благословляет и клянет порок,
 На ангелов ходивший в одиночку.

А. Тарковский. *Рукопись*, 165 (*Собеседник*, 2003).

Такая внутренняя смысловая диалектика библеизма *блудный сын* может даже привести к «эффекту бумеранга», т.е. превратить грешника в раскаявше-

гося в своих грехах и заблуждениях человека и вернувшегося после цивилизационных сует и блужданий в свой отчий дом — царство Природы:

Мой друг, беги от суеты,
Горячки и текучки,
Беги куда-нибудь в кусты,
В листочки и колючки,
И там припомни наконец,
Узрев леса и воды,
Что ни какой ты не венец,
А блудный сын природы.
Ю. Ким. Элегия.

Как видим, круг блужданий евангельского сына замыкается даже в русском языке, где греховность *блудного сына* подчёркнута самой его эксплицитной характеристикой. Замыкается в исходный сюжет, где сын возвращается в отчий дом. Тем не менее, благодаря эпитету *блудный* семантика русского выражения и его стилистика отличается от семантики его параллелей в английском, французском, польском или чешском языках, где оно переведено с помощью прилагательных, характеризующих мотовство (*prodigal, prodigue, marnotrawny, marnotratny*), или от семантики немецкого, латышского, словенского или хорватского, характеризующих «потерянность» (*verlorenener, pazudušais, izgubljeni*).

Описанная семантическая динамика выражения *блудный сын* в русском языке может показаться достаточно экзотической и индивидуальной, навеянной конкретным переводом библеизма. Однако опыт лингвистического анализа подобных библейских крылатых выражений и их словарного описания показывает, что такого рода «приращения смысла» к исходному словосочетанию достаточно типичны. Именно своеобразие языковой адаптации универсального сакрального текста Библии порождает семантические и стилистические различия библеизмов, которые далеко не всегда учитываются переводчиками и лексикографами. А ведь именно эти различия и составляют национальную специфику такого общего кода человеческой культуры, как Священное Писание.

Литература

- Архангельский областной словарь. Под ред. О.Г. Гецовой. Вып. 1–15. Москва: Издательство Московского государственного университета. Филологический факультет — Наука, 1980–2013¹².
- Балакова Д., Вальтер Х., Мокиенко В.М. *Лента библейской мудрости. Краткий русско-словацко-немецкий словарь крылатых слов*. Ружомберок — Грайфсвальд — Санкт-Петербург. Greifswald: Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2012.
- Лилич Г.А., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. *Библеизмы в русском, чешском и словацком литературных языках*. «Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История, языкознание, литературоведение» 1993. Вып. 3, с. 51–59.

¹² Издание продолжается.

- Лилич Г.А., Мокиенко В.М., Трофимкина О.И. *Толковый словарь библейских выражений и слов. Около 2000 единиц*. Москва: АСТ — Астрель, 2010.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. *Словарь русской брани (матизмы, обсценизмы, эвфемизмы)*. Санкт-Петербург: Норинт, 2003.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. *Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений*. Под общей ред. проф. В.М. Мокиенко. Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008.
- Псковский областной словарь с историческими данными*. Основан Б.А. Лариным. Вып. 1–23. Ленинград: Издательство Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина — Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1967–2012¹³.
- Словарь русских народных говоров*. Под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова. Вып. 1–46. Ленинград — Санкт-Петербург: Российская академия наук. Институт лингвистических исследований — Издательство «Наука», 1965–2013¹⁴.
- Chlebda W. *Biblizmy języka polskiego i rosyjskiego. Koncepcje opisu leksykograficznego*. [B:] *Współczesny język polski i rosyjski. Konfrontacja przekładowa*. Red. A. Bogusławski, J. Mędelska. Warszawa: Uniwersytet Warszawski. Katedra Lingwistyki Formalnej, 1997, s. 23–66.
- Koziara S. *Frazeologia biblijna w języku polskim*. Prace Monograficzne. Akademia Pedagogiczna im. Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie. Nr 320. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej, 2001.
- Walter H., Mokienko V.M. *Deutsch-russisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen. Mit historisch-etymologischen Kommentaren*. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Philosophische Fakultät, 2009.
- Walter H., Komorowska E., Krzanowska A. i zespół. *Deutsch-polnisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen mit historisch-etymologischen Kommentaren*. Szczecin — Greifswald, 2010.
- Walter H., Fojtů P. *Schwarzes Chaf, falscher Proplet, barmherziger Samariter. Deutsch-tschechisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen mit historisch-etymologischen Kommentaren*. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Philosophische Fakultät, 2012.

¹³ Издание продолжается.

¹⁴ Издание продолжается.